

ПОЛИНА АИСТОВА

ЧАСТЬ 2

ОСКОЛКИ

Полина Аистова

Осколки. Часть 2

<https://litres.ru/74062436>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение истории «Золотых пузырьков».

Кирилл приходит в себя на полу в чужой квартире. В которой полгода был счастлив. Ночь назад он сделал предложение женщине, которую любил больше жизни. А теперь он не помнит ни её лица, ни её голоса, ни того, как она вытолкнула его из рушащегося мира, спасая ценой собственной жизни.

Лиза исчезла. В телефоне – сотни фотографий и сообщений, доказывающих, что они были вместе. Но для полиции он – главный подозреваемый, для себя – человек, потерявший целые годы жизни, для всех остальных – сошедший с ума от горя.

Он проходит через ад: допросы, попытки вспомнить, сеансы психотерапии, срывы и медленное возвращение к жизни. Его поддерживают друзья и мама, но единственное, что ведёт его вперёд, – голос из снов, зовущий по имени. Голос, который он не узнаёт, но за которым готов идти на край света.

Сможет ли Кирилл собрать по осколкам правду и вернуть свою любовь до того, как связь между мирами оборвётся навсегда?

Содержание

Глава 1. Чужая квартира	4
Глава 2. Незнакомые лица	15
Глава 3. День пустоты	26
Глава 4. Показания	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Полина Аистова

Осколки. Часть 2

Глава 1. Чужая квартира

Падение было резким и болезненным – таким, от которого на мгновение перехватывает дыхание, а перед глазами вспыхивают белые искры. Я рухнул на спину, и удар вышиб воздух из лёгких. Несколько секунд я просто лежал на твёрдом полу, глядя в незнакомый потолок и пытаюсь понять, как я здесь оказался. В голове гудело, словно после долгой, бессонной ночи, проведённой неизвестно где и неизвестно с кем.

Несколько секунд я просто лежал, приходя в себя. Сердце колотилось, неровно и гулко. В висках стучало. Я попытался восстановить последние воспоминания – что я делал вчера? Где был? С кем? – но наткнулся на глухую, непроницаемую стену. Как будто кто-то взял ластик и аккуратно стёр несколько часов моей жизни, не оставив ни следа, ни намёка, ни зацепки.

Я медленно сел, потирая ушибленный локоть, и огляделся. Это была чужая квартира. Не моя – это я понял сразу, в первую же секунду. У меня другие обои, другая мебель, другой запах. Здесь пахло чем-то цветочным, женским, и ещё –

котами. Я никогда здесь не был. Никогда не жил. Так почему же я лежу на полу в этой прихожей, как мешок с картошкой?

В голове – ни единого воспоминания о том, как я сюда попал. Ни обрывка, ни тени, ни проблеска. Пустота. Гулкая, звенящая пустота, которая пугала больше, чем сам факт нахождения в чужом жилище.

Я хотел уже подняться – осторожно, опираясь на дрожащие руки, – когда услышал цокот когтей по паркету. Быстрый, частый, радостный – так бегают только коты, которые соскучились по хозяину. Из гостиной, задрвав хвост, выбежал Персик. Мой кот. Мой рыжий наглец. Он подбежал ко мне и принялся тереться о бок, громко мурча, словно был здесь дома. Он подбежал ко мне, даже не запыхавшись, и принялся тереться о бок – сильно, настойчиво, с громким утробным мурчанием, которое, казалось, заполняло всю прихожую. Он тёрся и тёрся, словно пытался убедиться, что я настоящий, что я здесь, что я не исчезну снова. Словно был здесь дома.

Но он не мог быть здесь дома. Он жил у меня. В моей квартире. Где на кухне стояла его миска, а на подоконнике лежала его любимая лежанка. Как он здесь оказался? Кто его привёз? Когда? Почему я ничего не помню?

А следом за ним, степенно и не торопясь, вышел второй кот. Серый, пушистый, с янтарными глазами и выражением глубокого неодобрения на морде. Он посмотрел на меня так, словно это я был здесь чужим, а он – законным хозяином. Я его не знал. Никогда не видел. Но он, кажется, видел меня –

и, судя по его взгляду, не слишком-то был мне рад.

– Какого чёрта... – прошептал я, оглядываясь.

Я сидел на полу чужой квартиры, и чем больше я смотрел по сторонам, тем более нереальной казалась эта картина. На вешалке висела моя куртка. В углу стояли мои кроссовки. На полке – моя книга, которую я читал неделю назад. Мои вещи. В чужой квартире. Рядом с моим котом. И каким-то чужим серым котом, который, кажется, собирался меня судить за все грехи человечества.

Я встал. Ноги дрожали, в голове всё ещё гудело, но инстинкт самосохранения перекрикивал всё остальное. Я должен был выбраться отсюда. Я не знал почему. Я не мог объяснить этого словами. Но каждая клеточка моего тела, каждый нерв, каждый мускул кричали: «Беги». Словно в этой квартире таилась опасность. Словно стены хранили какую-то тайну, которую мой разум отказывался принимать.

И я побежал. Вернее, засуетился. Начал лихорадочно собирать свои вещи – куртку, книгу, ноутбук, который лежал на журнальном столике. Персика запихнул в переноску, которая, слава богу, тоже оказалась здесь. Серый кот всё это время сидел на диване и наблюдал за мной с таким видом, будто я граблю квартиру. Может, так оно и было – но я ничего не помнил.

Я не помнил, как здесь оказался. Не помнил, чья это квартира. Не помнил, кто здесь живёт. Не помнил, почему здесь мои вещи. Не помнил ни-че-го. И от этого «ничего» хотелось

кричать.

С вещами наперевес и переноской в руке я выскочил за дверь, хлопнув её за собой. Сбежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, и вылетел из подъезда на улицу. Майское солнце ударило в глаза, яркое, беспощадное, заливающее всё вокруг расплавленным золотом. Я зажмурился, прикрывая лицо свободной рукой. После полумрака квартиры этот свет казался почти агрессивным. Но даже сквозь прищуренные веки я разглядел её – мою машину. Она стояла у подъезда, припаркованная чуть наискосок, словно я приехал в большой спешке. Моя. Я узнал её – узнал царапину на заднем бампере, ту самую, которую оставил год назад, задев бордюр на заправке. Узнал брелок на зеркале заднего вида – маленького резинового ёжика, которого мне подарили коллеги на день рождения. Узнал знакомый изгиб кузова, знакомые диски, знакомый номерной знак. Значит, я приехал сюда сам. На своей машине. В здравом уме и твёрдой памяти – или не совсем твёрдой? Но зачем? Зачем я сюда приехал?

Я закинул вещи в багажник, поставил переноску с Персиком на заднее сиденье – он возмущённо мяукнул, но я не обратил внимания, – и сел за руль. Руки дрожали, когда я вставлял ключ в зажигание. Я должен был убраться отсюда. Должен был оказаться в своей квартире, в своём привычном мире, где всё знакомо и понятно.

Машина взревела, и я рванул с места, даже не посмотрев по сторонам. Город проносился за окном – майский, цве-

туший, залитый солнцем. Но я ничего не замечал. Все мои мысли были заняты одним: что, чёрт возьми, произошло?

До своей квартиры я доехал на автопилоте. Припарковался у подъезда, достал вещи, переноску с Персиком и медленно, уже без паники, поднялся на свой этаж. Ключ в замке повернулся легко, дверь открылась, и я вошёл в родной, знакомый до мелочей коридор.

Здесь всё было как всегда. Старые обои, которые я собирался переклеить ещё год назад. Вешалка, на которой висела моя вторая куртка. Запах – мой, родной, ни с чем не сравнимый.

Я выпустил Персика из переноски. Он тут же рванул на кухню, к своей миске, как будто ничего необычного не произошло. А я сел за стол, обхватил голову руками и попытался вспомнить.

Вчера. Что было вчера?

Пустота. Абсолютная, чёрная, непроглядная пустота. Я помнил утро. Помнил, как ехал на работу. Помнил, как чинил какой-то баг в системе, как обедал в офисной столовой. А потом – ничего. Провал. Словно кто-то взял и стёр несколько часов моей жизни, оставив только белую стену.

Ладно. Спокойно. Я – программист. Я привык решать проблемы логически. Если я не могу вспомнить сам, значит, нужно искать зацепки. Улики. Что-то, что поможет восстановить картину.

Телефон. Точно.

Я достал телефон и открыл галерею. Может, там есть фотографии? Я часто снимал всё подряд – Персика, закаты, интересные здания. Может, я снимал что-то и вчера?

Первое, что я увидел – видео. Я нажал на плей, и экран ожил. На видео Персик и тот самый серый кот из чужой квартиры носились по комнате, играя друг с другом, как старые приятели. Они прыгали, кувыркались, охотились за невидимой добычей – за лазерной указкой, как я понял по характерным движениям. Серый кот был более осторожным, но всё равно играл, забыв о своей обычной невозмутимости. Персик же, как всегда, носился как угорелый, врезаясь в стены и роняя стулья. За кадром слышался смех – женский, мелодичный, переливчатый, заразительный. Девушка смеялась, глядя на играющих котов, и от этого смеха у меня внутри что-то странно сжалось, болезненно и сладко одновременно. Я не видел её лица – камера была направлена на котов, – но её смех... Он был прекрасен. Он был чистым, как горный ручей, и тёплым, как летний вечер. И он был смутно, невозможно, до боли знакомым. Как песня, которую слышал в детстве, а потом забыл, но мелодия осталась где-то глубоко внутри.

Я пролистнул дальше. Фотография: белая коробочка, в ней – туфли. Красивые, замшевые, цвета слоновой кости. Рядом – записка, написанная моим почерком. *«Сегодня в 18:00 в ресторане «Лазурит». Я буду ждать тебя там. Готовься. В 17:30 за тобой придет такси. Люблю. Целую. Кирилл.»*

Лиза.»

Лиза.

Имя повисло в воздухе, как произнесённое заклинание. Я прочитал его раз, другой, третий. Лиза. Л-И-З-А. Четыре буквы, которые ничего мне не говорили. Абсолютно ничего. Кто она? Почему я писал ей «люблю»? Почему заказывал такси? Почему выбирал туфли? Я – тот самый Кирилл, который терпеть не мог ходить по магазинам и всегда покупал одежду онлайн, не глядя, – выбирал для неё туфли. Значит, она была для меня особенной. Значит, я её любил. Но я не помнил.

Я пролистнул ещё. Зимняя фотография. Я – в шапке, с красным шарфом, на фоне заснеженного парка. Рядом со мной – девушка. Тёмные волосы выбиваются из-под шапки, карие глаза сияют на морозном лице, острые скулы, курносый нос. Она улыбается – не в камеру, а мне. Так улыбаются только любимым. Так улыбаются тем, с кем прожили целую жизнь.

Я смотрел на неё и не узнавал.

Кто она?

Я не помнил её. Вообще. Как можно забыть человека, с которым ты фотографировался в парке? Как можно забыть человека, которому ты писал «Люблю»? Как можно забыть ту, чей смех звучит на видео в твоём телефоне?

Я открыл переписки. Пролистал список контактов. Вот коллеги, вот друзья, вот мама, вот... «*Лиза. Любимая*». Я

открыл чат. Последнее сообщение было отправлено вчера, в 17:28.

«Такси ожидает. Я люблю тебя.»

Мои пальцы дрожали. Я листал переписку вверх – и не верил своим глазам. Сотни, тысячи сообщений. Добрые утра и спокойные ночи. Смешные картинки с котами. Планы на выходные. Обсуждение, как познакомить наших котов. Фотографии еды, которую мы готовили вместе. Признания в любви – много, очень много. Голосовые сообщения – я нажал на одно, и её голос, мелодичный и тёплый, заполнил кухню: «Доброе утро, любимый. Надеюсь, у тебя сегодня хороший день». Я слушал этот голос и не узнавал его – но сердце защемило так, что стало трудно дышать.

Я листал дальше. Сообщения о переезде – она спрашивала, какие вещи я повезу в первую очередь, удобно ли будет Персику в новой квартире, не тесно ли нам будет вдвоём в её спальне. И мой ответ: «С тобой хоть в шалаше. Но кровать у тебя удобная, это плюс».

Значит, та квартира. Чужая квартира с моими вещами. Это была её квартира. И я там жил. С ней. С Лизой. Мои вещи висели в её шкафу, мои кроссовки стояли у её двери, мой кот играл с её котом. Я жил там. А теперь не помнил об этом.

Мой мозг взрывался. Я смотрел на экран телефона и не мог понять, как такое возможно. Как я мог забыть человека, с которым, судя по переписке, прожил несколько месяцев? Как я мог забыть ту, кому сделал предложение? Потому что

дальше в переписке были сообщения о туфлях, о ресторане «Лазурит», о сюрпризе. И ещё – сообщение от Сони, какого-то её друга, которое я не читал, но в уведомлении было: «Ну что, кольцо уже купил?».

Я сделал предложение. Я купил кольцо. Я собирался провести с этой женщиной всю оставшуюся жизнь. И я не помнил её.

Я снова открыл фотографию. Девушка с тёмными волосами и карими глазами. Лиза. Я вглядывался в её лицо, пытаюсь пробудить хоть какое-то воспоминание. Пытался вспомнить звук её голоса, прикосновение её руки, запах её волос. Но в голове была пустота. Только странное, щемящее чувство в груди – словно сердце помнило то, что забыл разум.

Я просидел за столом, наверное, час. А может, два. Персик пришёл, запрыгнул на колени и требовательно мяукнул. Я машинально погладил его, но мысли были далеко. Вернее, они были там – в чужой квартире, из которой я сбежал, как вор.

Кто она? Что между нами было? И почему я всё забыл?

Я думал о том, что, возможно, сошёл с ума. Что это какая-то редкая форма амнезии. Что нужно обратиться к врачу. Но одна мысль не давала мне покоя: где она сейчас? Эта Лиза. Если я был у неё, если я сделал ей предложение, если мы собирались жить вместе – то где она? Почему я проснулся на полу в её квартире один? Почему её не было рядом?

И самый страшный вопрос, который пульсировал где-то

на краю сознания и который я боялся даже сформулировать: что, если с ней что-то случилось? Что, если то, что стёрло мою память, стёрло и её саму?

Я не знал ответов. Но я знал одно: я должен выяснить. Должен понять. Должен найти эту женщину – даже если сейчас я не помню её, даже если мой разум отказывается её узнавать. Потому что моё сердце – оно билось быстрее, когда я смотрел на её фотографию. Оно помнило. Оно знало то, что забыла голова.

Я отложил телефон и закрыл лицо руками. Локти упёрлись в стол, ладони прижались к глазам, и я сидел так, в темноте, пытаясь унять дрожь. Персик тёрся о мои ноги и тихо мурчал, словно пытался утешить. Но утешения не было. Был только страх. Страх перед неизвестностью. Страх перед тем, что я мог сделать – или не сделать. И решимость. Твёрдая, холодная, стальная решимость, которая постепенно вытесняла панику.

Я должен найти Лизу. Чего бы мне это ни стоило. Сколько бы времени это ни заняло. Даже если я не помню её. Даже если я никогда не вспомню. Я должен найти её – живую или мёртвую. Должен узнать, что случилось той ночью. Должен закрыть эту дыру в своей памяти. И вернуть себе свою жизнь. Потому что та жизнь, которую я помнил, была неполной. В ней зияла пустота размером с человека, и пустота эта была невыносима.

Я поднял голову, вытер глаза – когда я успел заплакать?

– и посмотрел на Персика. Он сидел на столе, прямо передо мной, и смотрел мне в глаза. В его взгляде было что-то, чего я раньше не замечал. Не просто кошачье любопытство. Что-то более глубокое. Словно он знал. Словно он помнил. Словно он ждал, когда я наконец пойму.

– Я найду её, Персик, – сказал я вслух. – Обещаю.

Кот мяукнул – коротко, но как-то особенно твёрдо, словно подтверждая мои слова. А за окном шумел майский ветер, и солнце клонилось к закату, окрашивая небо в розово-оранжевые тона. Где-то там, в этом большом городе, была Лиза. И я должен был её найти. Чего бы мне это ни стоило.

Глава 2. Незнакомые лица

Я всё ещё сидел за столом, тупо глядя в телефон, когда он зазвонил. Экран вспыхнул, и на нём высветилось имя – «Соня». Я не знал никакой Сони. Не помнил её. Имя не вызвало никаких ассоциаций – ни приятных, ни тревожных. Пустота. Но телефон помнил, телефон знал – и настойчиво вибрировал, требуя ответа, подпрыгивая на столе и издавая жужжащий звук, который в тишине пустой кухни казался оглушительным.

Я смотрел на экран и колебался. Палец завис над зелёной кнопкой. Кто эта Соня? Почему она звонит мне? Что ей нужно? Может, это ошибка? Может, она перепутала номер? Но телефон не ошибается – в списке контактов она была сохранена с фамилией, и я явно сделал это сам, сознательно, в какой-то момент моей жизни, который теперь был стёрт. Я поколебался ещё секунду, не больше, и провёл пальцем по экрану.

– Алло?

– Кирилл! – раздался в трубке звонкий женский голос, и в нём было столько энергии, что я чуть не отдёргнул телефон от уха. – Ну наконец-то! Я тебе весь день звоню, а ты трубку не берёшь! Я уж думала, у вас там что-то случилось! Ну что? Сделал? Она сказала «да»? Где Лиза? Почему она трубку не берёт? Я ей пишу, пишу – тишина, сообщения даже не про-

читаны! Вы что там, празднуете до сих пор? Эй, Кирилл, ты меня слышишь?

Я слушал этот поток слов – быстрый, эмоциональный, полный жизни, – и чувствовал, как внутри всё сжимается в тугую, болезненный комок. Голос в трубке был энергичным, взволнованным, радостным – но для меня он был голосом совершенно чужого человека. Как если бы мне позвонила случайная прохожая и начала обсуждать общих знакомых, которых я не знаю. Я сидел, прижимая телефон к уху, и не знал, что ответить. Каждое её слово было как удар молотка по стеклу – стекло трещало, но пока держалось.

– Простите, – сказал я наконец, и мой голос прозвучал тихо и глухо, словно из-под толщи воды. – Вы кто?

В трубке повисла пауза. Долгая, звенящая, наполненная таким напряжением, что я физически ощущал его через динамик. Я слышал, как на том конце провода кто-то дышит – часто, сбивчиво, словно после бега.

– Чего? – голос Сони резко изменился, радость сменилась недоумением. – Кирилл, это ты? Это Соня. Соня! Подруга Лизы. Мы с вами в ресторане сидели две недели назад, пиццу ели! Настольные свечи, ты ещё рассказывал про свой проект для приютов, а Антон про свои фреймворки! Ты что, дурак, что ли, так шутить?

– Простите, – повторил я, и собственный голос показался мне чужим. – Я не помню вас. Я не помню Лизу. Я вообще ничего не помню.

В трубке повисла тишина. Такая глубокая, что я слышал, как Персик скребётся в своей лежанке в соседней комнате. Тишина длилась долго – может, секунд десять, может, двадцать, – а потом Соня заговорила снова. Теперь её голос был тихим, напряжённым, лишённым прежней энергии:

– Что случилось? Вы попали в аварию? Ты ударился головой? Что произошло, Кирилл? Почему ты не помнишь?

– Я не знаю, – я откинулся на спинку стула и закрыл глаза. – Я очнулся сегодня утром. На полу. В какой-то квартире. Там были мои вещи, мой кот и ещё какой-то серый кот. Я не знал, где я. Не знал, как туда попал. Я сбежал оттуда, приехал к себе. А потом начал смотреть телефон – и понял, что там, в той квартире, жила Лиза. И я, кажется, жил с ней. Но я не помню её, понимаете? Я смотрю на её фотографии и не помню. Я читаю нашу переписку и не помню. Как будто кто-то взял и стёр часть моей жизни.

– Ты уехал? – голос Сони стал резким. – Ты уехал оттуда? Ты оставил квартиру и уехал? А где Лиза? Где она была, когда ты проснулся?

– Там никого не было, – сказал я. – Только я. На полу. И коты. Я не знаю, где Лиза.

– В смысле – никого не было? – теперь в её голосе звучал страх. – Она что, пропала? Исчезла? Ты очнулся один в её квартире, а её нет?

– Да.

– Я выезжаю, – отрезала Соня. – Прямо сейчас. Антон ме-

ня отвезёт. Ты где сейчас? Где ты живёшь?

Я назвал адрес. Соня повторила его вслух – видимо, чтобы Антон услышал, – и бросила короткое «Жди» перед тем, как отключиться. Телефон в моей руке погас, и я остался сидеть в тишине, глядя на чёрный экран.

Я положил телефон на стол и уставился в стену. Персик, почувствовав моё состояние, запрыгнул на колени и уткнулся мокрым носом в ладонь. Я гладил его машинально, пытаюсь вспомнить. Хоть что-нибудь.

Лиза. Тёмные волосы. Карие глаза. Скулы. Курносый нос. Фотография в телефоне – она стоит рядом со мной на фоне заснеженного парка и улыбается мне. И я смотрел на эту улыбку – и ничего не чувствовал. Пустота. Ни проблеска, ни тени воспоминания. Как будто этой женщины никогда не было в моей жизни.

Но она была. Телефон доказывал это. Коты доказывали это. Чужая квартира, в которой я очнулся, доказывала это. Я любил эту женщину. Я сделал ей предложение. Я собирался прожить с ней всю жизнь. И теперь я не помнил даже её лица.

Звонок в дверь вырвал меня из оцепенения. Я осторожно снял Персика с колен, встал и пошёл открывать. На пороге стояла девушка. Рыжие волосы, растрёпанные после долгой дороги, взволнованное лицо, красные от недосыпа и слёз глаза. Она смотрела на меня с надеждой, которая тут же сменилась растерянностью.

– Я Соня, – сказала она, вглядываясь в моё лицо. – Узнал?

Я покачал головой. Медленно, тяжело.

– Нет. Простите.

Соня шумно выдохнула. В её глазах мелькнуло что-то похожее на отчаяние – но она взяла себя в руки.

– Я пройду?

– Да, конечно, – я посторонился, пропуская её в квартиру.

Она вошла, огляделась – словно искала что-то, что могло бы всё объяснить, – и села на стул, который я ей предложил. Я сел напротив. Мы смотрели друг на друга, и я понимал, что для неё я – старый знакомый, почти друг, человек, которого она знает и которому доверяет. А для меня она была чужой.

– Давай по порядку, – сказала Соня, доставая телефон. – Вот смотри. Это я. Это ты. Это Лиза. Вот фотография из ресторана – мы сидим вчетвером, я, Антон, ты и Лиза.

Я взял телефон. На фотографии и правда были четверо: я, эта рыжая девушка, какой-то темноволосый парень, которого я не знал, и Лиза. Она сидела рядом со мной, и моя рука лежала на её плече. Мы оба улыбались. Мы выглядели счастливыми.

Я вглядывался в лицо Лизы – в её карие глаза, в её острые скулы, в её курносый нос, – пытаясь пробудить хоть искру памяти. Но – ничего. Пустота.

– Я не помню, – сказал я глухо. – Я не помню этот вечер. Не помню этот ресторан. Не помню вас. Не помню её.

– Но это же было всего две недели назад! – Соня всплеснула руками. – Как можно забыть?

– Я не знаю.

Она помолчала, кусая губу, а потом вдруг подалась вперёд.

– Слушай, – сказала она, и её голос стал другим – спокойным, почти профессиональным, – давай попробуем по кусочкам. Может, что-то всплывёт. Вот ты помнишь, как работал на кассе? В магазине у дома?

Я задумался.

– Да, – сказал я. – Это я помню. Я работал кассиром. В маленьком магазинчике. Это было... осенью? Или зимой?

– Ты работал там и осенью, и зимой, – подтвердила Соня. – Именно там ты и встретил Лизу. Она зашла купить продукты. Ты запомнил её, потому что она всегда брала вишнёвый «Даниссимо». Ты сам мне это рассказывал.

Вишнёвый йогурт. Эти слова что-то смутно шевельнули в моей памяти – но не больше. Как отголосок далёкого эха.

– Я не помню её, – повторил я. – Я помню работу. Помню кассу. Помню людей, которые приходили. Но среди них – её не помню. Людей много, никого не упомнишь.

– А как вы встретились в парке, у новогодней ёлки? – продолжала Соня. – Ты увидел её, подошёл, сказал: «Привет, любительница вишнёвого йогурта».

– Нет, – я покачал головой. – Не помню.

– А как вы на каток ходили? На первое свидание? Ты специально сказал ей одеться тепло, но не сказал куда. Она ещё надела изумрудный свитер, который ей мама подарила. Ты

фотографировал её на катке.

– Я видел фотографию, – сказал я. – В телефоне. Но я не помню, как её снимал.

Соня замолчала. Она смотрела на меня с каким-то новым выражением – уже не с надеждой, а с глубокой, искренней тревогой.

– Кирилл, – сказала она тихо. – Тебе нужно к врачу. Это не шутки. Так не бывает. Человек не может забыть несколько месяцев своей жизни просто так. Может, у тебя была травма. Может, ты упал и ударился головой. Может, это амнезия на фоне стресса. Но с этим нужно что-то делать. Ты должен показаться специалисту.

– Я знаю, – ответил я. – Но сейчас важнее другое. Где Лиза? Если я очнулся в её квартире один, а её там не было – где она? Что с ней случилось?

Соня побледнела.

– Я пыталась ей дозвониться всё утро, – сказала она. – И вчера вечером тоже. Она не отвечает. Я думала, вы вместе, празднуете. А теперь... – она запнулась, – теперь я не знаю, что думать.

Мы помолчали.

– Давай собирайся, – вдруг решительно сказала Соня, вставая. – Нужно ехать к Лизе. Там кот остался один, Тимка. Его нужно забрать, отвезти к родителям. И заодно посмотрим квартиру. Может, найдём какие-то зацепки.

– Я не помню дорогу, – признался я.

– Я помню. Я укажу.

Мы сели в мою машину. Я за рулём, Соня на пассажирском сиденье. Она говорила, куда поворачивать, а я послушно следовал указаниям, чувствуя себя чужим в собственном городе. Улицы, по которым мы ехали, были мне знакомы – но не до конца. Я знал, что где-то здесь был парк, где-то здесь – супермаркет. Но я не помнил, как эти улицы связаны с Лизой. Не помнил, как вёз её на работу, как мы возвращались домой, как гуляли по этим тротуарам.

Мы подъехали к знакомому дому. Тому самому, из которого я сбежал утром. Я припарковался и вышел из машины. Ноги сами понесли меня к подъезду – мышечная память, не иначе. Мы поднялись на третий этаж, и я машинально потянулся к дверной ручке. Дверь оказалась незапертой – я утром так спешил, что даже не захлопнул её как следует.

Мы вошли. В коридоре было тихо. Из гостиной тут же выбежал серый кот – Тимка. Он посмотрел на нас с надеждой, словно ждал кого-то другого, а потом разочарованно мяукнул и ушёл обратно. В квартире царил беспорядок – следы моего утреннего бегства. Вещи разбросаны, переноска валяется на боку. Но больше – ничего. Никаких следов борьбы, никаких признаков того, что здесь что-то случилось.

– Её нигде нет, – сказала Соня, осмотрев комнаты. – Телефон не отвечает. Что будем делать?

– Может, в полицию обратиться? – предложил я. – Всё-таки человек пропал. Они составят протокол, начнут искать.

– Я тоже об этом думала, – Соня вздохнула. – Но что мы им скажем? «Моя подруга пропала, а её парень ничего не помнит»? Звучит как сюжет для детектива. Но... наверное, это единственный вариант.

Мы взяли Тимку – он сопротивлялся, царапался и возмущённо мяукал, не понимая, почему его забирают чужие люди, – и поехали к родителям Лизы. Этого адреса я не знал вовсе, так что Соня снова указывала дорогу. Мы петляли по незнакомым дворам, и каждый поворот был для меня открытием.

Родители Лизы жили в уютной квартире на другом конце города. Дверь открыла женщина – мама Лизы, как я понял. У неё были такие же тёмные волосы, как у дочери, и такие же карие, полные тепла глаза – только сейчас эти глаза были красными от слёз.

– Кирилл? Соня? – она переводила взгляд с одного на другого. – А где Лиза? Что случилось?

Мы прошли в гостиную. Папа Лизы – высокий, седой мужчина с суровым лицом – стоял у окна, скрестив руки на груди. Он посмотрел на меня – и в его взгляде было что-то, от чего мне стало не по себе. словно он уже знал, что я пришёл с плохими вестями.

Соня, запинаясь, объяснила ситуацию. Что я ничего не помню. Что Лиза пропала. Что мы не знаем, где она и что с ней.

Реакция была именно такой, как я и боялся. Мама Лизы

разрыдалась. Папа, напротив, побледнел от гнева и шагнул ко мне – резко, угрожающе.

– Как это – не помнишь? – его голос дрожал от ярости. – Ты жил с моей дочерью! Ты был у нас дома, ты сидел за этим столом, ты ел наш хлеб! И теперь ты говоришь, что ничего не помнишь? Что ты за человек такой?

– Павел Сергеевич, – попыталась вмешаться Соня, – он правда не помнит. Это какая-то травма, ему нужно к врачу...

– К врачу? – папа Лизы горько усмехнулся. – Пусть сначала вернёт мне дочь, а потом идёт к врачу. Где она? Что ты с ней сделал?

– Я не знаю, – сказал я. Мой голос звучал глухо и безжизненно. – Я правда не знаю. Я очнулся сегодня утром один в её квартире. Я не помню ни её, ни вас. Я не помню, что произошло. Я хочу найти её не меньше вашего. Но я не знаю, где искать. И я не помню ничего.

– Он правда не помнит, – тихо подтвердила Соня. – Я разговаривала с ним. Он меня не узнал. Он Лизу по фотографии не узнаёт. Это не притворство. С ним что-то случилось.

Мама Лизы плакала, уткнувшись в платок. Папа молча стоял, сверля меня взглядом. Тимка, выпущенный из переноски, жался к ногам Сони. А я чувствовал себя последним ничтожеством – потому что не мог дать этим людям ответ. Потому что я был единственным, кто был с Лизой прошлой ночью, и я ничего не помнил. Потому что я, возможно, был виноват в её исчезновении – и даже не знал, в чём именно.

– Я... – начал я и запнулся. – Простите. Мне сложно. Я вас не знаю. Я не помню. Я, наверное, поеду домой.

Никто меня не остановил. Я вышел из квартиры, спустился по лестнице, сел в машину. Руки дрожали. Я приехал домой уже почти ночью. Квартира встретила меня тишиной и темнотой. Персик спал в своей лежанке, свернувшись рыжим клубком.

Я лёг в постель, не раздеваясь, и уставился в потолок. Мысли крутились в голове, как заезженная пластинка. Лиза. Кто она? Где она? Что случилось прошлой ночью? И почему я – единственный, кто мог бы ответить на эти вопросы, – не помню ровным счётом ничего?

Ответов не было. Только пустота. И тишина. И где-то глубоко внутри – странное, ноющее чувство утраты. словно моё сердце знало, что я потерял что-то бесконечно важное, но разум отказывался это признавать.

Я закрыл глаза и провалился в тяжёлый, беспокойный сон без сновидений. Завтра будет новый день. Завтра я пойду к врачу. Завтра я попытаюсь вспомнить. Завтра. Но почему-то мне казалось, что завтра не принесёт ответов. Что разгадка этого странного, страшного исчезновения лежит где-то за гранью – там, куда моя память не может дотянуться. Там, где осталась Лиза. Там, где я был с ней, а потом всё забыл.

Глава 3. День пустоты

Будильник заорал ровно в семь – как всегда, как в любой другой рабочий день. Этот мерзкий, механический звук врелся в сознание, вырывая из небытия, из той спасительной темноты, где не было ни мыслей, ни воспоминаний, ни этой давящей пустоты. Я открыл глаза и несколько секунд просто лежал, глядя в потолок. Знакомый потолок. Моя квартира. Мой дом. Всё было на своих местах: шкаф, стол, ноутбук на прикроватной тумбе. Персик, свернувшийся калачиком в ногах, приоткрыл один глаз и вопросительно мяукнул – пора завтракать.

Я сел на кровати. Голова была тяжёлой, словно после долгой болезни, но физически я чувствовал себя нормально. Никакой боли, никаких синяков. Только пустота внутри – та самая, которая поселилась там вчера и, кажется, решила остаться надолго. Она была не просто отсутствием воспоминаний – она была присутствием чего-то, что должно было быть, но исчезло. Как эхо в пустой комнате. Как боль от ампутированной конечности, которой уже нет, но которая продолжает болеть.

Надо было жить дальше. Надо было идти на работу. Надо было делать вид, что всё в порядке.

Я сбросил одеяло – в комнате было тепло, майское утро уже вступило в свои права, – и пошёл в ванную. Холодная

вода ударила в лицо, заставив вздрогнуть. Я умывался медленно, словно надеясь, что вода смоеет не только остатки сна, но и эту липкую, противную пустоту, которая прилипла к коже, к мыслям, к каждому вздоху.

Потом я долго смотрел на своё отражение в зеркале. На светлые, взъерошенные волосы, которые торчали в разные стороны. На серо-зелёные глаза, в которых застыло какое-то новое, незнакомое мне выражение. Потерянность. Вот как это называлось. Я выглядел как человек, который потерял что-то важное и не знает, где искать. Как будто я стоял на краю огромной тёмной пропасти и всматривался в неё, надеясь увидеть дно. Но дна не было. Была только тьма.

Я отвернулся от зеркала. Смотреть на себя было невыносимо.

На кухне я действовал на автомате. Заварил кофе – крепкий, чёрный, без сахара, хотя обычно пил с молоком. Сделал тост с маслом, даже не почувствовав вкуса. Персик тёрся о ноги, требовательно мяукал, и я насыпал ему корма в миску, даже не глядя, сколько сыплю. Всё как обычно. Механические действия, которые не требовали участия мозга. Руки знали, что делать. Тело работало. А внутри была пустота.

Я оделся легко – май, на улице жара, даже утром солнце припекало так, что асфальт плавился. Лёгкая рубашка, джинсы, кроссовки. Никаких следов вчерашнего дня. Никаких напоминаний о том, что где-то там, в чужой квартире, осталась пустота на месте человека, которого я любил. Лю-

бил ли? Телефон говорил, что да. Фотографии, переписка, голосовые сообщения – всё кричало о любви. Но сердце молчало. Оно не билось быстрее при мысли о ней. Оно вообще, кажется, перестало биться как следует – просто выполняло свою функцию, как насос, перекачивающий кровь, без всякого чувства.

Я сел в машину и поехал в офис. Дорога была знакомой до автоматизма – поворот налево, светофор, прямой участок, ещё поворот. Я вёл машину и думал о том, что сегодня, наверное, стоит записаться к врачу. Может, Соня права – может, это какая-то травма, и специалист поможет восстановить память. А может, и нет. Может, я никогда не вспомню эту Лизу. Может, мне придётся жить с этой пустотой до конца своих дней.

Офис встретил меня привычным гулом кондиционеров, запахом кофе и стрекотом клавиатур. Я прошёл к своему столу, включил компьютер и уже собирался погрузиться в работу, когда ко мне подлетели коллеги. Макс и Дима – два программиста из моей команды, с которыми мы сидели в одном опенспейсе. Их лица сияли предвкушением.

– Ну! – Макс хлопнул меня по плечу. – Давай, рассказывай! Как прошли выходные?

– Ты сделал предложение? – подхватил Дима, расплываясь в улыбке. – Она согласилась? Мы тут ставки делали!

Они смотрели на меня с таким искренним, почти детским любопытством, что у меня внутри что-то сжалось. Они зна-

ли. Они знали Лизу – или, по крайней мере, знали о ней. Они ждали новостей о предложении. Значит, это всё было правдой. Вся эта история – не выдумка, не чья-то злая шутка. Я действительно собирался жениться на женщине, которую теперь не помнил.

– Пацаны, – сказал я, и мой голос прозвучал глухо, – я рад, что вы беспокоитесь. Правда. Но я её забыл.

Макс перестал улыбаться. Дима нахмурился.

– В смысле – забыл? – переспросил Макс. – Как это – забыл?

– Я очнулся вчера утром и не помнил, где я. Не помнил, кто она. Не помнил, что мы жили вместе. Как будто её не существовало.

– Ты что, серьёзно? – Дима переглянулся с Максом. – Это шутка такая? Розыгрыш? Если да, то не смешно.

– Нет, не шутка. Проще сказать – я потерял память. Не знаю, как и почему. Но последние несколько месяцев связанные с незнакомой женщиной просто стёрты из моей головы. Я не помню Лизу. Не помню, сделал ли я ей предложение. Не знаю, что она ответила. И была ли она вообще – я знаю это только по фотографиям в телефоне.

Коллеги замолчали. Их радостное оживление сменилось растерянностью и недоверием. Макс открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Дима просто покачал головой и пробормотал:

– Ничего себе. Вот это поворот.

Они отошли, переглядываясь, и я слышал, как Макс тихо сказал Диме: «Бедный парень». Мне не нужна была их жалость. Мне нужны были ответы. Но ответов не было.

Я сел за компьютер и попытался работать. Открыл редактор кода, пробежался глазами по строчкам. Всё было знакомым, понятным. Код я помнил. Логику я помнил. Проект, над которым работал последние две недели, – помнил. А Лизу – нет. Как будто кто-то вырезал её из моей жизни хирургически точно, не задев ничего другого.

Я писал код медленно, с перерывами. Строчки складывались в функции, функции – в модули. Всё работало. Всё было правильно. Но удовольствия от работы не было – только механическое выполнение обязанностей. Руки двигались, мозг щёлкал задачи, как орешки, а внутри была пустота.

В середине утра телефон завибрировал. Я бросил взгляд на экран – мама.

«Сынок, привет! Как дела? Ты мне так и не ответил про выходные. Сделал предложение? Что сказала Лиза? Я очень переживаю, жду новостей! Целую, мама.»

Я смотрел на экран и не знал, что ответить. Мама ждала новостей о женщине, которую я не помнил. Она радовалась за меня, представляла, как я счастлив. А я сидел в офисе, сжимал телефон в руке и чувствовал, как внутри разрастается холодная, липкая пустота.

Я так и не ответил. Просто убрал телефон в карман и снова уставился в монитор.

Что я ей скажу? «Мама, я забыл свою невесту»? «Мама, я не помню женщину, на которой собирался жениться»? «Мама, я, наверное, схожу с ума»? Нет. Слишком рано. Сначала нужно разобраться самому.

Обеденный перерыв прошёл незаметно. Я спустился в столовую, взял поднос с едой, сел за свободный стол. Ел механически, не чувствуя вкуса. Рядом кто-то смеялся, обсуждал отпуск, новые фильмы. Обычная офисная жизнь. А я сидел среди этих людей и чувствовал себя чужим – не потому что они были плохими, а потому что я сам выпал из реальности. Я был здесь, но не здесь. Мои мысли витали где-то там, в чужой квартире, на чужой кухне, среди чужих вещей.

Вернувшись за стол, я снова открыл редактор кода и попытался сосредоточиться. Но через час, ближе к трём часам дня, телефон снова завибрировал. На этот раз – Соня.

«Кирилл, родители Лизы написали заявление в полицию. Она уже сутки не выходит на связь. Они хотят, чтобы её объявили в розыск. Они сказали, что ты ничего не помнишь. Следовательно, наверное, захочет с тобой поговорить. Будь готов. И держись.»

Я перечитал сообщение дважды, потом третий раз. Родители Лизы обратились в полицию. Заявление. Розыск. Следователь. Слова были знакомыми, но они отказывались складываться в осмысленную картину. Моя жизнь – та, которую я помнил, – никогда не пересекалась с полицией. А теперь...

Я набрал ответ, пальцы дрожали.

«Спасибо, что предупредила. Я готов поговорить с кем угодно. Мне тоже нужно знать, что случилось.»

Соня ответила почти мгновенно:

«Держись. Я рядом. И не вини себя. Ты не виноват, что не помнишь.»

Я не ответил. Убрал телефон в карман и снова уставился в монитор. Но работать больше не мог. Строки кода расплывались перед глазами. Я смотрел на экран и не видел ничего, кроме собственного отражения – бледного и растерянного.

Остаток дня тянулся бесконечно. Я переключался между задачами, делал вид, что работаю, но на самом деле просто ждал, когда можно будет уйти. Коллеги больше не подходили – видимо, Макс и Дима разнесли новость, и меня решили не трогать. Косые взгляды я ловил, но они меня не задевали. Мне было всё равно.

В пять часов я выключил компьютер, попрощался с дежурным «до завтра» и вышел из офиса. Солнце уже не пекло так беспощадно, оно клонилось к закату, окрашивая небо в розово-оранжевые тона. Город жил своей жизнью – люди спешили домой, в кафе, в парки. А я шёл к машине и чувствовал себя призраком, который наблюдает за жизнью сквозь мутное стекло.

Дорога домой заняла минут двадцать. Я припарковался у подъезда, поднялся на свой этаж, открыл дверь. Квартира встретила меня тишиной и запахом кошачьей шерсти. Персик, услышав звук ключа, выбежал в коридор и принялся те-

реться о ноги, громко мурлыча. Он не знал, что его хозяин – предатель, который забыл свою любовь. Он просто был рад меня видеть.

Я насыпал ему корма – полную миску, хотя он съел бы и половину, – и почесал за ухом. Персик довольно зажмурился, и я вдруг поймал себя на мысли, что завидую коту. У него не было воспоминаний. У него не было прошлого, о котором нужно жалеть. Только настоящее – миска корма, тёплый подоконник и хозяйская рука.

Я прошёл на кухню, заварил чай – на этот раз не на автомате, а осознанно, выбрав зелёный с жасмином, – и сел за стол. Персик, наевшись, запрыгнул на стул рядом и уставился на меня янтарными глазами.

– Что, Персик? – спросил я. – Не знаешь, что мне делать? Я тоже не знаю.

Кот моргнул и начал умываться, всем своим видом показывая, что проблемы хозяина – это проблемы хозяина, а у кота есть дела поважнее. Я усмехнулся – впервые за день. Горько, но всё же усмехнулся.

Я взял телефон и снова открыл фотографии. Лиза. В парке, на катке, в ресторане. Лиза смеётся. Лиза сердится (на одной фотографии она сдвинула брови и надула губы – наверное, я сказал что-то не то). Лиза смотрит на меня с нежностью. Я вглядывался в её лицо, пытаюсь поймать хоть намёк на воспоминание.

Ничего.

Пустота.

Я открыл видео – то самое, где Персик и серый кот носились по комнате, а за кадром звучал её смех. Я прослушал его три раза подряд. Её смех был прекрасным – мелодичным, переливчатым, заразительным. От него хотелось улыбаться. Но я не помнил, как он звучал в реальности. Только в записи.

Переписка. Сотни сообщений. Я пролистал их от последних к первым. Добрые утра, спокойные ночи, обсуждение планов на выходные, споры о том, какой фильм посмотреть, фотографии еды, которую мы готовили вместе. «Люблю тебя». «Ты лучшее, что со мной случилось». «С тобой даже рутина – счастье». Я написал эти слова. Я их не помнил.

Телефон выскользнул из пальцев и упал на стол. Я закрыл лицо руками. В горле встал ком, который я не мог проглотить. Слезы не приходили – только сухая, давящая тоска. Я сидел так, наверное, минут пять. А может, полчаса. Время потеряло значение.

Потом я встал, подошёл к окну. За стеклом темнело – майский вечер медленно перетекал в ночь, и на небе зажигались первые звёзды. Где-то там, в этом огромном городе, была Лиза. Или её не было. Я не знал. Я не помнил. Я ничего не знал.

Персик спрыгнул со стула, подошёл ко мне и потёрся о ногу. Я наклонился, погладил его – машинально.

– Ты, наверное, скучаешь по ней, – сказал я. – По своему другу. По серому коту. А я... я даже не могу по ней скучать, потому что не помню, как это – скучать по кому-то, кто был

рядом.

Кот мяукнул. Я не знал, что он хотел сказать.

Я ещё раз посмотрел на телефон – на сообщение от Со-ни. «Родители Лизы написали заявление в полицию». Зна-чит, завтра, возможно, меня вызовут. Или не вызовут. Или приедут сами. Я не знал, что меня ждёт. Но знал, что должен быть готов.

Я прошёл в спальню, разделся, лёг в постель. Персик за-прыгнул следом и устроился в ногах, как всегда. Я выключил свет.

В темноте я лежал с открытыми глазами и слушал, как за окном шумит майский ветер. Где-то вдалеке лаяла собака. Слышались голоса – кто-то возвращался домой, смеялся, го-ворил по телефону. Обычная жизнь. А я лежал и думал о женщине, которую не помнил. О женщине, чьё лицо знал по фотографиям, чей голос – по видеозаписям, чья жизнь была мне чужой, но почему-то отзывалась болью в груди.

– Кто ты, Лиза? – прошептал я в темноту.

Ответа не было. Только ветер за окном и ровное дыхание Персика.

Я закрыл глаза и провалился в тяжёлый, беспокойный сон. Без сновидений. Без голосов. Без ничего. Просто темнота. И тишина. И пустота, которая, казалось, стала моей единствен-ной спутницей.

Глава 4. Показания

Утро началось не с будильника. Я проснулся сам – за несколько минут до того, как он должен был зазвенеть, – и несколько секунд просто лежал, глядя в потолок. В голове было пусто. Не та пустота, которая пугала последние дни, а просто – отсутствие мыслей. Благословенная, спасительная тишина, в которой не было ни страха, ни отчаяния, ни этой бесконечной тоски по женщине, которую я не помнил.

А потом тишина взорвалась звонком.

Телефон завибрировал на прикроватной тумбе, подпрыгивая на деревянной поверхности и издавая противный жужжащий звук. Я потянулся к нему, ещё не до конца проснувшись, и увидел на экране: «Мама».

Сердце ёкнуло. Я не звонил ей вчера. Не ответил на сообщение. Она, наверное, волновалась. Я провёл пальцем по экрану и поднёс трубку к уху.

– Алло, мам.

– Сынок! – её голос был бодрым, но в нём слышалась тревога. – Ну наконец-то! Я уже начала волноваться. Ты вчера так и не ответил. Что случилось? Ты заболел? Что-то на работе? Как ты? Как Лиза?

Вопросы сыпались один за другим, как горох из прохудившегося мешка. Я слушал её голос – тёплый, родной, – и чувствовал, как внутри всё сжимается. Как сказать ей? Как

объяснить то, чего я сам не понимал?

– Мам, – сказал я, и мой голос прозвучал глухо, почти безжизненно. – Я не знаю, что случилось.

– В смысле – не знаешь? – она насторожилась. – Кирилл, ты меня пугаешь. Ты где? Ты дома? Что с твоим голосом?

– Я дома, – ответил я. – Мам... я не помню Лизу.

На том конце провода повисла тишина. Такая долгая, что я успел услышать, как за окном пролетела стая птиц, как где-то внизу хлопнула дверь подъезда.

– Что значит – не помнишь? – голос мамы изменился. В нём исчезла бодрость, осталась только растерянность и страх. – Кирилл, ты о чём? Ты же мне сам рассказывал про неё. Ты собирался сделать предложение. Ты показывал её фотографии. Как можно забыть?

– Не знаю, мама, – я провёл рукой по лицу, чувствуя, как под пальцами щетина – я не брился уже дня два, наверное. – Я проснулся позавчера. На полу в чужой квартире. Не помнил, где я. Не помнил, как там оказался. А потом... потом я посмотрел телефон. Там была её фотография. Переписка. Голосовые сообщения. Я жил с ней, мама. Я сделал ей предложение. И я ничего не помню. Совсем. Как будто её не существовало.

– Боже мой, – прошептала мама. – Кирилл... это... это, наверное, какая-то травма. Ты ударился головой? Может, стресс? Ты должен к врачу! Немедленно!

– Я знаю, – сказал я. – Я запишусь сегодня.

– Сегодня? – она повысила голос. – Нет, сейчас же! Кирилл, ты не понимаешь! Если ты потерял память – это серьёзно! Это не шутки!

– Мама, – перебил я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё дрожало. – Я позвоню врачу. Сразу после работы. Обещаю.

Она что-то сказала – кажется, «обещаешь?» – но я не слышал, потому что в этот момент в дверь позвонили. Резко, требовательно. Три коротких звонка, которые резанули по нервам, как ножом.

– Мам, – сказал я, вставая с кровати, – мне звонят в дверь. Я перезвоню.

– Кирилл, что там? Кто?

– Не знаю. Я сейчас.

Я натянул штаны – те самые, что валялись на стуле с вечера, – и, всё ещё прижимая телефон к уху, пошёл к двери. Заглянул в глазок.

На лестничной клетке стояли двое. Мужчины в строгих костюмах. Один – пожилой, с сухим обветренным лицом и холодными глазами. Другой – моложе, но с той же уверенной, хищной пластикой, от которой по спине побежали мурашки. У пожилого в руках была папка. У молодого – удостоверение, раскрытое и предъявленное прямо в глазок, хотя я его и не просил.

– Кирилл Сергеевич? – раздалось из-за двери. – Откройте, пожалуйста.

Я повернулся к телефону.

– Мам, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Не волнуйся. Всё будет хорошо.

– Кирилл, что происходит? Ты меня пугаешь!

– Ничего, мама. Правда. Я перезвоню. Обещаю.

Я сбросил звонок, сунул телефон в карман джинсов и открыл дверь.

– Кирилл Сергеевич Давыдов? – спросил старший.

– Да, это я.

Он показал удостоверение – я успел заметить герб, фотографию, какие-то печати. Майор юстиции Ковалёв. Следователь.

– Вы задержаны по подозрению в причастности к исчезновению Соколовой Елизаветы Павловны, – произнёс он ровным, безжизненным голосом, словно читал сводку погоды. – Пройдёмте с нами для дачи показаний.

Я смотрел на него и чувствовал, как внутри всё застывает. Ледяной комок страха опустился куда-то в живот, сжимая внутренности.

– Мне нужно одеться, – сказал я.

– Одевайтесь. Мы подождём.

Я закрыл дверь – не захлопнул, просто притворил, – и вернулся в комнату. Руки дрожали, когда я натягивал чистую рубашку. Мысли метались, как испуганные птицы. Задержан. По подозрению. Лиза. Следователь.

Персик, сидевший на подоконнике, проводил меня взгля-

дом. В его янтарных глазах было что-то, чего я раньше не замечал. Не то сочувствие, не то вопрос.

– Всё будет нормально, – сказал я ему, хотя сам в это не верил.

Я вышел в коридор, надел кроссовки. Мужчины ждали на лестничной клетке. Старший – Ковалёв – кивнул и указал в сторону выхода.

– Идёмте.

Мы спустились по лестнице. Молодой мужчина шёл впереди, Ковалёв – за мной. Я чувствовал его взгляд на своей спине и не мог отделаться от ощущения, что иду на казнь. У подъезда стояла машина – тёмно-синий седан с тонированными стёклами, без опознавательных знаков. Меня посадили на заднее сиденье. Ковалёв сел рядом.

– Сначала в участок, – сказал он водителю, и мы тронулись.

Дорога заняла минут пятнадцать. Я смотрел в окно на просыпающийся город, на людей, которые шли на работу, на детей, которых везли в детский сад. Обычная жизнь. А меня везли давать показания по делу о пропавшей женщине, которую я не помнил.

Полицейский участок встретил меня запахом хлорки, старого линолеума и казённого равнодушия. Серые стены, тусклые лампы под потолком, металлические двери с маленькими окошками. Ковалёв провёл меня через проходную – дежурный кивнул, даже не взглянув на меня, – в комнату для

допросов.

Это было маленькое помещение без окон, с голыми серыми стенами. Посередине стоял стол, с двух сторон – два стула. На столе – настольная лампа и диктофон. В углу, под потолком, висела камера. Меня усадили на один из стульев. Ковалёв сел напротив. Второй мужчина остался за дверью.

– Итак, Кирилл Сергеевич, – Ковалёв включил диктофон и назвал дату, время, свои данные. – Давайте поговорим. Вы знаете, почему вы здесь?

– По подозрению в причастности к исчезновению Елизаветы Павловны, – ответил я. Голос прозвучал ровно, но я чувствовал, как дрожат колени под столом.

– Правильно, – он кивнул. – Расскажите, что произошло в субботу вечером. Где вы были? Что делали? Когда в последний раз видели Соколову?

Я сделал глубокий вдох.

– Я не помню, – сказал я. – Я очнулся в воскресенье утром на полу в её квартире. Я не помню, как туда попал. Не помню, что делал накануне. Не помню, когда видел её в последний раз.

Ковалёв посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. Его лицо не выражало ничего – ни удивления, ни недоверия. Просто... ожидание.

– Не помните, – повторил он. – Это удобно, знаете ли. Очень удобно – ничего не помнить, когда пропадает человек, с которым у вас были близкие отношения.

– Я знаю, – ответил я, чувствуя, как внутри закипает раздражение. – И вы, наверное, мне не верите. Но я говорю правду. Я не помню её. Не помню, как мы познакомились. Не помню, как жили вместе. Не помню, делал ли ей предложение. Я знаю всё это только по фотографиям и переписке в телефоне.

– Вы обращались к врачу?

– Ещё нет. Планировал сегодня.

Ковалёв сделал пометку в блокноте. Потом задал ещё несколько вопросов – о моих отношениях с Лизой, о том, ссорились ли мы, были ли конфликты. Я отвечал честно: я не помню. Он спрашивал, где я был в субботу, с кем, могу ли подтвердить алиби. Я не знал. Он спрашивал, почему я сбежал из квартиры Лизы, не вызвал полицию. Я ответил: я запаниковал. Я не знал, где нахожусь. Я испугался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.